

А.В. Вторушина

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ПИТАНИЯ

В статье рассматриваются региональные особенности структуры питания населения России. На основании кластерного анализа мы выяснили, что лишь немногие регионы, преимущественно центральные, имеют относительно высокие показатели потребления продуктов питания. Остальные же можно отнести к неблагополучным по исследованному критерию и не способным претендовать на высокий уровень качества жизни населения как одного из необходимых условий формирования общества потребления. В статье также исследуются факторы, влияющие на потребительские практики населения страны и обуславливающие различия как в количественных, так и в качественных показателях потребления продуктов питания.

Ключевые слова: *потребление, структура питания, потребительские практики, общество потребления.*

Keywords: *consumption, structure of nourishment, consumption practices, consumer society.*

Общество потребления сегодня является очень популярной метафорой и используется для характеристики современных, преимущественно экономически развитых стран. Не находя единых подходов к пониманию данного феномена, авторы различных концепций приходят к выводу о наличии все же неких общих принципов, на которых общество потребления базируется. Так, например, потребление в таком типе общества понимается не как форма удовлетворения жизненно важных потребностей, а как форма личностного, социального и культурного самоопределения. Иными словами, в обществе потребления потребляются не блага и услуги, а именно контекстуальные смыслы, знаки и символы.

Некоторые авторы в связи с этим используют термин «виртуальное потребление» (Ильин 2005: 6), которое становится явно не отделимо от потребления реального. Естественно, что подобное условие выполнимо только в тех обществах, которые смогли обеспечить некоторый базовый уровень существования,

достаточный для того, чтобы люди смогли задуматься о вопросах самоопределения через практики потребления, а также когда экономика и функционирование рынка стали непосредственно зависеть от реализации товаров, возможно, и не являющихся жизненно важными. Конечно, в условиях межкультурных коммуникаций, Интернета, СМИ, развития глобальной экономики и международного туризма, трудно сказать, сколько осталось обществ, не затронутых еще символами всеобщего потребления. Однако положение периферийных стран не типично. Если «потребительство» постепенно вызревало в западной рационалистической культуре, то по отношению к другим обществам этот фактор выступает в качестве внешнего, способствующего скорее интеграции в международную экономическую систему.

Разные регионы мира в неравной мере втянуты в процесс формирования общества потребления, и для большинства из них основным фактором изменения потребительских предпочтений остается виртуализация экономики, ее «окультуривание» через систему СМИ и рекламы. В таких обществах большинство людей потребляют преимущественно глазами, ушами, видя рекламные баннеры, заманчивые надписи на упаковках товаров и пр., но для многих из них все, что активно рекламируется, остается недоступным. В результате, потребительские установки в таких обществах формируются гораздо быстрее модернизации собственно экономики. Причем бум «потребительства» происходит на фоне реального недопотребления, возникает явный диссонанс в соотношении экономических и культурно-символических факторов.

Продукты питания в этом отношении — очень характерный пример. Именно продукты питания быстро включаются в потребительскую гонку общества, они подвергаются активной символизации, причем гораздо более тонкой, нежели символизация, например, автомобилей как явных показателей престижного потребления. Еда связана непосредственно с вопросами человеческой экзистенции и согласуется с двумя основными императивами — наслаждением и здоровьем. При этом она легко интегрируется в различные культурно-символические схемы, практики, подвергается разного рода мифологизациям с помощью рекламных трюков и манипулятивных приемов — экспериментами с начинками, наполнителями, с внешним видом товара и пр. При этом активное социальное маркирование еды, ее виртуальное потребление может сопровождаться значимым разрывом в области ее реального потребления.

В одном из наших исследований мы проанализировали структуру питания, существующую в различных странах мира, и определили место России в общемировом пространстве потребления. Так, на основании проведенного нами кластерного анализа было выявлено, что качественный состав потребляемых продуктов у нас в стране аналогичен западному, однако уступает ему по ряду количественных показателей (Вторушина 2010:328). Российская специфика заключается лишь в значительно большей доле, которую занимает в структуре питания картофель, чай и молочные продукты. Согласно нашей концепции, подобная специфика указывает на сохраняющиеся традиции и привычки в потреблении пищи и недостаточную степень вовлеченности России в «западный» мир потребления с его гетерогенной структурой питания.

В данной работе мы также осуществили кластерный анализ данных статистики за 2008 г. по потреблению основных продуктов питания (хлеба, яиц, молока, мяса, рыбы и пр.) в 83 субъектах Российской Федерации с тем, чтобы выяснить, в какой степени те или иные регионы отличаются друг от друга и насколько, соответственно, они вовлечены в процесс формирования общества потребления — «реального» и «виртуального». При этом нашей задачей было не просто обобщение и агрегирование количественных показателей, но также стремление уйти от чисто географического детерминизма в понимании различий в сфере потребления, что часто встречается в литературе с выделением, например, «северного», «южного» и иных типов питания (Мартынов, Виноградов 1998: 67).

Итак, в результате проведенного иерархического кластерного анализа нами были сформированы две группы регионов с разными количественными параметрами потребления. Но для того, чтобы исследовать исключительные случаи, мы выделили дополнительно еще два кластера, которые отличаются от первых двух качественным составом потребляемых продуктов и ограничиваются всего несколькими субъектами Российской Федерации (см. табл. 1).

Таблица 1

**Характеристика кластерных групп по показателям
потребления основных продуктов питания
(в среднем на потребителя в год)**

Продукты питания	Кластеры			
	1	2	3	4
Хлеб	175,90	98,90	83,20	135,10
Картофель	46,20	44,30	28,40	89,10
Овощи	64,70	101,00	61,10	129,10
Фрукты	34,30	90,90	46,70	77,00
Мясо	56,10	108,90	75,80	76,80
Молоко	100,30	273,50	185,50	362,10
Яйца	91,00	211,00	145,00	226,00
Рыба	7,50	29,30	14,70	15,10
Сахар	30,00	29,70	22,40	41,50
Масло	6,40	10,80	5,50	11,80

Общая характеристика полученных в результате кластеризации групп выглядит следующим образом.

Первый кластер характеризуется максимальным уровнем потребления на душу населения таких продуктов, как хлеб, молоко и молочные продукты, яйца. Минимальную долю в структуре питания занимают фрукты, мясо, рыба. Данная группа отличается от остальных сравнительно высокими показателями потребления хлеба. По аналогии с тем, как мы в своих предыдущих работах рассматривали положение стран в общемировом пространстве потребления,

можно предположить, что подобный гомологичный и качественно однородный состав питания характерен для тех регионов, где сильны культурные традиции и привычки питания. В эту группу вошли два региона РФ — Чеченская республика и республика Тува, отличающиеся явными сепаратистскими тенденциями и определенным культурным колоритом. Так, например, в республике Туве русское население еще в 1990-е и 2000-е гг. резко пошло на убыль из-за возникшей после распада СССР межэтнической напряженности (Степанов 1994: 23).

Второй кластер на фоне остальных выглядит вполне благополучно. Наибольшую долю в структуре питания данной группы занимают такие продукты, как молоко, яйца, мясо, овощи, хлеб. По сравнению с другими группами, данный кластер характеризуется сравнительно высокими показателями потребления мяса и рыбы. Группа включает в себя 32 субъекта РФ, в число которых входят Москва, Санкт-Петербург, Белгородская, Ивановская, Курская, Липецкая, Московская и еще несколько областей Центрального и Южного Федерального Округа. Среди сибирских территорий в данную группу попали, например, Алтайский край, Красноярская, Омская области. Из представителей Дальнего Востока России — только Приморский край.

Третий кластер характеризуется максимальными показателями в потреблении молока, яиц, хлеба (что в целом характерно для России в целом), а минимальными — картофеля, овощей, фруктов, сахара, масла. Этот кластер в сравнении с остальными выглядит менее благополучно и имеет большее количество самых низких показателей по некоторым категориям продуктов. В эту группу вошли некоторые области центральной России, в частности, Орловская, Владимирская, Калужская, часть южных территорий — Волгоградская область, Ставропольский край, республика Северная Осетия и подавляющее большинство регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Четвертый кластер характеризуется максимальным уровнем потребления молока, яиц, хлеба, овощей. Более того, это группа самая благоприятная с точки зрения общей картины потребления. Структура питания отличается здесь сравнительно высокими показателями по многим категориям потребляемых продуктов — например, картофеля, сахара, масла, молока, яиц. Отсутствуют и сравнительно с остальными кластерами низкие показатели. В четвертую группу по результатам нашего исследования вошли, как ни странно, два отличных друг от друга региона — Ленинградская область и республика Карачаево-Черкесия.

Нетрудно заметить, что количество благополучных регионов с точки зрения реального потребления продуктов питания решительно уменьшается по направлению к Крайнему Северу и Дальнему Востоку. При этом данные явно показывают что: 1) неблагополучные регионы выделяются на фоне благополучных количественными показателями потребления (значимость различий была проверена с помощью *t*-критерия); 2) регионы, попавшие в два разных кластера, могут быть и соседями по своему географическому расположению. Таким образом, фактор пространственной близости или удаленности не может объяснить все возможные случаи группирования.

Далее мы построили ряд гипотез, объясняющих подобную кластеризацию регионов по количественным и качественным (структуре питания) показателям.

Гипотеза 1. Благополучие регионов, имеющих более высокие показатели потребления продуктов питания, связано преимущественно с экономическими, либо же благоприятными природно-климатическими условиями жизни.

Гипотеза 2. Неблагополучные районы имеют низкие количественные показатели потребления продуктов питания вследствие иных причин. В южных и западных районах страны — преимущественно вследствие влияния экологических, экономических, демографических факторов, а в северных и восточных регионах — вследствие социокультурных и политических.

Гипотеза 3. Регионы с резко отличающейся от остальных групп структурой питания в меньшей степени интегрированы в экономику потребления, поскольку находятся под влиянием национальных традиций.

Гипотеза 4. Практики потребления подобно западным образцам складываются в немногочисленных регионах с более высоким уровнем потребления. «Виртуальное» потребление преобладает в экономически менее благополучных районах страны.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть наши гипотезы, мы проанализировали различные документы — данные статистики, публикации в новостных изданиях, нормативные документы, официальные сводки. Основная цель, которую мы при этом преследовали, заключалась в содержательной интерпретации полученных в ходе кластерного анализа данных.

Мы пришли к следующим выводам. Во-первых, отметим еще раз явную тенденцию уменьшения числа благополучных районов в продвижении на Крайний Север и Дальний Восток, что все же подчеркивает значимость природно-климатического фактора. С другой стороны, природно-климатический фактор непосредственно связан с таким немаловажным экономическим показателем, как наличие развитой аграрной инфраструктуры, сельского хозяйства, и, как следствие, демографическим — выраженным преобладанием сельского населения над городским.

Экономический и демографический факторы особенно важны в дифференциации южных и центральных районов страны, где, как предполагается, более благоприятный климат для произрастания ряда сельскохозяйственных культур. В результате регионы, где сельское хозяйство по тем или иным причинам стагнирует, или в регионах, где преимущественно получила развитие не сельскохозяйственная промышленность, показатели потребления продуктов питания ниже. Например, подобная ситуация сложилось в Орловской, Костромской, Калужской и некоторых других областях Центрального федерального округа.

При этом развитие промышленного сектора экономики вызывает и ряд иных проблем — например, экологических. Неблагоприятная экологическая обстановка, сложившаяся в промышленных районах, связана в то же время с проблемой сохранения здоровья населения, высокими показателями смертности, естественной убылью, а также интенсивными миграционными процессами как из региона (в силу близости столицы, многие не прочь перебраться именно туда), так и в него (с территорий ближнего зарубежья).

Определенное значение имеют и крайне низкий уровень заработной платы, особенно у тех, кто работает в бюджетной сфере, и высокий процент безработицы (причем речь идет не о цифрах, отраженных в официальной статистике, а о скрытой безработице, которая в официальную отчетность не попадет).

Стоит отметить и наличие такого немаловажного фактора, как близость или удаленность от столичных городов России, где сосредоточены основные экономические, политические, социокультурные ресурсы страны. Как показало наше исследование, большая часть областей с низкими показателями потребления расположены в непосредственной близости от Москвы. И это обусловлено тем, что агропромышленный комплекс данных территорий направлен, как правило, на снабжение столицы и ее окрестностей. Итак, во всех центральных и южных районах страны с низкими показателями потребления мы сталкиваемся с одними и теми же тенденциями — естественная убыль населения, кризис сельского хозяйства, низкий уровень зарплат, безработица, интенсивная миграция, нестабильная политическая обстановка и близость к зонам военных конфликтов.

Иная ситуация складывается относительно факторов, определяющих неблагополучие в сфере потребления продуктов питания, регионов Дальнего Востока. Здесь также наблюдается убыль населения, но преимущественно не за счет высокой смертности и низкой рождаемости, а за счет отрицательной миграции — оттока населения в другие регионы страны. Причем понятно, что эта миграция обусловлена не столько экономическими факторами, сколько социокультурными — погоней за представлениями о лучшей жизни на «материке». Развитие подсобного хозяйства, широкие возможности, имеющиеся в богатых лесах Сибири и морях Дальнего Востока для ведения охоты и рыболовства, как в индивидуальной форме, так и в промышленных масштабах, коренным образом не меняет положения дел.

Так, развитая рыбная промышленность на Дальнем Востоке дает, конечно, ощутимую разницу сравнительно с остальными регионами в сфере потребления рыбы, однако, как показали результаты кластерного анализа, это мало влияет на общий уровень жизни населения. С одной стороны, это связано с культурными традициями, сложившимися в России, где, например, в отличие от Японии, рыба не является главным атрибутом повседневного меню. С другой стороны, цены на рыбу не являются настолько низкими, чтобы ее могли позволить иметь у себя на столе все жители. Кроме того, большая часть рыбы, добываемой на Дальнем Востоке, идет на снабжение «нерыбных» территорий нашей страны (в меньшей степени) и других стран. Морепродукты, добытые в частном порядке, очень легко подвергаются спекуляциям посредством перепродаж, в результате чего цены на них повышаются в разы.

Кроме того, высокая заработная плата в Сибири и на Дальнем Востоке сочетается с еще более высоким уровнем цен на многие продукты питания (вне зависимости, откуда они привезены — из ближайшего Китая или из Бразилии). Причем транспортные издержки — даже не самый главный фактор в формировании цен на продукты питания. Немаловажным является и монополизация торговли, когда на рынке действуют всего лишь несколько крупных поставщи-

ков, диктующих цены и определяющих то, что в экономической социологии получило название «концепции контроля».

Конечно, имеет значение и социально-демографический состав населения. Так, для Дальнего Востока и Сибири характерен высокий уровень урбанизации, концентрации населения в двух-трех относительно крупных городах. Например, в Магадане проживает более 90 % жителей всей области, а в Томской области всего чуть больше миллиона человек, из которых половина — в самом Томске. Причем подобные территориальные различия вряд ли связаны с развитием промышленной отрасли экономики, а скорее, наоборот, с ее депрессивным состоянием. Тем самым, если в центральных и южных районах страны именно фактор развитости сельского хозяйства обуславливает размер городского и сельского населения, то в случае с северными и восточными окраинами страны скорее отсутствие социальных перспектив жизни в отдаленных районах обуславливает интенсивный отток населения в наиболее крупные населенные пункты.

Что касается благополучных по структуре питания регионов России, то их более высокие показатели связаны тоже с рядом факторов. В южных и центральных районах страны — с развитием аграрного сектора экономики, в северных и восточных — с поглощением значительных финансовых потоков извне (из-за рубежа, других регионов страны).

Особым образом была выделена нами и Ленинградская область, имеющая самые высокие показатели по потреблению основных продуктов питания. Ее прогресс связан, на наш взгляд, опять же с экономическим фактором — благоприятным инвестиционным климатом, близостью более богатого зарубежного соседа — Финляндии, крупными размерами инвестиций, вкладываемых в различные проекты. Ленинградская область к тому же является ведущей в стране по развитию пищевой промышленности. Здесь в среднем по стране самый низкий уровень безработицы, сравнительно высокий уровень заработной платы.

Подобные обстоятельства экономического порядка, отчасти и политического, обуславливают высокие показатели потребления продуктов питания и в других регионах страны — Сибирском ФО, Дальневосточном ФО. Так, на Дальнем Востоке в более благоприятном положении находится только Приморский край, что также вызвано его экономически выгодным пограничным положением (через Приморье осуществляется импорт автотранспорта из Японии, продуктов питания из Китая). Более того, край за последние годы привлек огромные инвестиции и в связи с подготовкой к саммиту АТЭС.

Таким образом, в нашей статье мы затронули лишь один из аспектов функционирования общества потребления, выраженный в практиках питания. Мы выяснили, что «реальное» потребление и «виртуальное» потребление могут осуществляться на разных основаниях и не быть взаимно обусловлены. Мы выявили, что наиболее благополучными в отношении структуры питания остаются страны Европы и США, Россия от них существенно отстает (Вторушина 2010: 330). Однако и общенациональное пространство потребления оказывается отнюдь не однородно. В ходе кластерного анализа мы выявили, по крайней мере, две группы регионов, отличающиеся структурой питания. Географически

большая часть «много потребляющего» населения расположена в центральной и южной части страны, остальное пространство до Крайнего Северо-Востока России характеризуется довольно низкими показателями потребления.

Таким образом, вопрос, насколько российское общество соответствует западным стандартам общества потребления, остается открытым. Но можно с уверенностью сказать, что это соответствие распространяется лишь на некоторые российские территории, формируя незначительные очаги практик «реального» потребления. Большинство же регионов остаются во власти политических, культурных установлений, а также институциональных образований, регламентирующих процесс преимущественно «виртуального» потребления.

Литература

Вторушина А.В. Структура потребления продуктов питания как показатель качества жизни населения: Россия в контексте мирового развития // Материалы VI всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения», 1–2 декабря 2010 г. М., 2010.

Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. Том XIV. № 2.

Мартынов А.С., Виноградов В.Г. Окружающая среда и население России. М., 1998.

Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [www.gks.ru]

Степанов В.В. Очаги межэтнической напряженности: реальность и прогноз // Вестник РАН. 1994. Том 64. № 4.